

Содержание

Часть первая. НОЧЬ ДЛИННЕЕ ВЕКА	5
Часть вторая. ДВА СТАНА И ОДНА ЦЕЛЬ	69
Часть третья. РАССЕРЖЕННЫЕ	174

Часть первая
НОЧЬ ДЛИННЕЕ ВЕКА

1

Из динамиков негромко раздавались оперные голоса. В трудные минуты, которыми так богата наша жизнь, Шатунов слушал великих классиков, и эту его причуду уже никто из окружения не воспринимал ни сдвигом по фазе, ни показухой. Сейчас как раз один из нелегких моментов, только он этого не показывал — еще чего! Не сводя рентгеновских глаз с дочери, Шатунов отпил пару глотков фруктового сока, потом без красок в интонации, идя вдоль бильярдного стола и отыскивая удачный шар, сказал:

— Назови хотя бы одну причину, по которой твоя идея должна стать моей.

— Возраст, папа, возраст.

Если б не знать Шатунова, а только слышать фразу дочери и ее тон, то по вложенному смыслу можно подумать, будто папа — ржавый гвоздь из сломанной телеги. А это далеко не так. Он не развалина, отнюдь. Насмешливо покосившись на Сабрину, Шатунов неторопливо отпил сока, поставил высокий стакан на зеленое сукно и ласково промурлыкал:

— Бабы, с которыми я сплю, младше тебя, доченька.

Ах, ах... Он оскорбил слух двадцативосьмилетней девочки, что стало заметно по сведенным к переносице бровям на ее чистом челе весталки и гадливому выражению. Как же, как же — бабы... младше... секс... Папа и секс — понятия, не совместимые в ее представлении. Деньги и он — нормально, но не секс, нет. Это просто курам на смех. С провокационной усмешкой Шатунов ждал, какой выдаст контраргумент его благо-разумная дочь.

— Пора думать о здоровье, — внушала ему Сабрина, — ты забываешь, что уже немолод. Папа, тебе пятьдесят три! Это сложный возраст. К тому же твоя комплекция, извини, располагает к покою и уравновешенному быту, а не к состязаниям в спальне.

Неужто дочь собирается уравновесить его быт, наложив запрет на состязания в спальне? Да-а, девочка совсем потеряла чувство меры, а ежели по-простому — обнаглела. Сказались пять лет без отцовского глаза, когда некому было втолковать ей, что рот открывать стоит только в одном случае: предварительно хорошенько подумав. Но пора отставить шутки в сторону, надоело.

— Тебя мать прислала? — кинул он прямой наводкой вопрос.

— Я по собственной инициативе, — выгородила Сабрина родительницу с поспешностью, которая продала ее с головой. Она это поняла, попыталась исправить оплошность: — С мамой я предварительно провела работу, она не против... то есть... в принципе согласна... так что слово за тобой.

А он готов был принять на грудь спесивое чадо, тем самым внести потепление в их отношения! Не случилось. И уже, наверное, не случится никогда. Она же солгала. Это явственно читалось в глубине ее зрачков, в которых, как в воронке, крутился водоворот немереных желаний. Благодаря природной интуиции, а также на-

блюдательности, Шатунов научился распознавать правду от неправды.

— Не поздновато ли твоя мама решила ко мне вернуться?

— Ничего, люди женятся, расходятся, снова сходятся, — по-житейски здраво рассудила Сабрина. — Неужели ты еще не понял, что лучше никого не найдешь?

— Стоп, стоп, дорогая, — снисходительно улыбнулся он. — Говоришь так, будто я ее бросил...

— Ты. (А куда ей отступить?) Ведь ты ушел от нас.

Это один из неновых приемов подчинить — навесить комплекс вины и при любом удобном случае напоминать о нем, закрепляя успех. А Шатунов в процессе жизни выработал стойкий иммунитет к манипуляторам, потому не поддался на провокацию.

— Доля истины в твоих словах есть, но доля, — сказал он и ударил кием по шару. — К тому же такая маленькая, что без лупы ее не разглядишь. Я вынужден был уйти! Между прочим, ушел в одном костюме. Спортивном. Без чемодана — да. Все оставил, как она хотела.

— Тебе показалось, будто она этого хотела. В каждой семье бывают взрывоопасные периоды, люди находят компромиссы...

— Н-да, показалось, — хохотнул он, целясь в шар. — Поэтому твоя мать за двадцать лет не нашла времени объяснить, что же именно мне показалось, а спокойно прожила это время с другими мужиками. Сколько у нее их было? Десять? Двадцать? Или ты не считала?

Он выпрямился и в упор рассматривал Сабрину, будто искал новые черты. Это так, искал. Его дочь от первого (законного) и, по воле судьбы, последнего брака не виделась с родителем пять лет! Не звонила, не передавала приветов пять лет! Всему виной кровная обида: папа обласкивал сводного брата, безмерно

баловал мальчика, тогда как на ее долю выпали строгости с ограничениями. Однажды она прямо заявила о своем праве на первенство, мол, я твоя законная дочь, где обо мне забота, где стройка века — мое будущее? Папа не опустил до напоминаний, что оставил ее маме дом, в котором смело можно строить будущее обеим, что алименты давно выплатил, а деньгами снабжал регулярно... Много нашлось бы возражений, да Сабрина не стала слушать, отбарабанила каблуками к выходу. Надеялась воспитать отца, лишив его смысла жизни — общения с собой. И целых пять лет не показывалась! Ну и выдержка у нее... отцовская, надо признать!

Итак, ее мамочка не рассчитала, до каких высот взлетит Ленька. Теперь бывший муж бездумно тратит свои миллионы, тогда как она могла бы помочь их сберечь, взяв под контроль дурака Ленчика, его банковские счета, предприятия, дом. И доченьке не терпится положить коггистую ручку (ногти у Сабрины длиннее пальцев!) на папины бабки или хотя бы помочь потратить с выгодой для себя. В общем, это заговор двух когда-то любимых им женщин. Неожиданно для дочери он повернул диалог в обратную сторону:

— Почему ты до сих пор не замужем?

— Что? — потерялась она.

— Замуж почему не вышла? — перефразировал вопрос отец. — Двадцать восемь лет, умная, образованная, красивая. Ну, красотой ты в мать, тут уж я не претендую на первенство. Так почему ты не замужем?

Да, она в мать: те же пышные белые волосы волнистым водопадом падают до лопаток, та же шея, плавно переходящая в плечи, тонкая талия, выступающая грудь и личико красотишки из модного журнала. Нет, Сабрина красивей, она же еще и дочь, а дети видятся родителям почти небожителями.

— При чем здесь я, когда речь идет о вас с мамой? — с упорством маньяка гнула она свою линию. — Вы мне оба не чужие, оба дороги, я бы хотела видеть вас вместе.

«Я, мне, хочу...» — сколько любви к себе в одном коротком предложении! Шатунов уложил кий на бильярдный стол, накинул на плечи пиджак и, ничего не сказав, двинул вниз по лестнице. Сабрина некоторое время стояла в раздумье, но, опомнившись, побежала за ним, уже неуверенно лопоча доводы:

— Понимаю, мое предложение как снег на голову, но ты подумай. Одному встречать старость — а она не за горами — малоприятное занятие. Тем более ты сам сказал: мама была красива... Она и сейчас красивая, больше тридцати девяти ей не дают, а с эффектной женщиной не стыдно показаться где угодно...

Шатунов поднял плечи к ушам, что означало: почему я должен слушать ахинею? Чтоб угодить дочери и вновь ее не потерять? А он ею дорожит?

— Сколько тебе дать денег, чтоб больше не слышать ни звука о твоей маме? — бросил через плечо Шатунов.

— Нисколько.

Конечно, ее не устраивает слово «сколько», ограничивающее желания, следовательно, урезающее возможности! Ей нужно все — это очевидно.

Шатунов развернулся. За долгую и, надо сказать, весьма нелегкую жизнь он научился говорить слово «нет» в категоричной форме. И научился выметать из своего бунгало всех, кому мечтается сделать из него ма-рионетку.

— Запомни, детка: чтобы что-то получить, нужно заработать... — начал преподавать запоздалый урок дочери-свахе Шатунов.

Он собирался высказать все, что думал по поводу идиотской затеи, а также самой Сабрины и, главное(!) — ее неподражаемой мамочки, но! Раздался зво-

нок. Первые трели — и Шатунов мгновенно забыл, в каком измерении находится, где пол, а где потолок.

Эта мелодия стоит на единственном номере, ее он ждал всегда: во сне, наяву, утром, днем, среди ночи. Засыпал и надеялся: вдруг позвонит. Нет звонка? Огорчение сменялось надеждой: может, завтра... или послезавтра... ну, через неделю обязательно... И так много-много дней, месяцев, лет. Имени как такового нет в адресной книжке телефона, оно обозначено одной латинской буквой — Z, то есть зеро. А зеро означает... правильно, ноль. В этом есть особый смысл.

Шатунов вынул из кармана мобильник, а как при этом запрыгало сердце! Сглотнув, он сказал в трубку:

— Слушаю. — И замер, боясь не расслышать или пропустить хотя бы слово. Да что слово! Малейший оттенок в интонации не хотел пропустить и не пропускал, угадывая настроение на другом конце провода.

— Ленька, это я...

Присутствие дочери мешало ему говорить, сдерживало, это та часть его жизни, которой он не хотел делиться ни с кем. Но Сабрина и не подумала уйти, хотя он взглядом требовал: да уберись же ты отсюда!

Перемены в папе, произошедшие за миг, равный по длительности вспышке молнии, не могли не заинтриговать дочь, в глазах которой пульсировал вопрос: кто посмел перейти нам с мамой дорогу? Увы, женщина женщину чует за много километров. Казалось, и ушки Сабрины активно зашевелились, ловя сигналы из трубки, что вынудило Шатунова сказать в мобильник с минимальной холодностью, но это исключительно для дочери:

— Я слушаю тебя.

— Ленька...

Неужели всхлипнула?! Странно, странно. Шатунов видел ее слезы всего раз в жизни, это было давно, иногда казалось, тогда они привиделись. Но не об этом на-

до думать. Она всхлипнула! — значит, случилась беда, по-другому быть не может. Да, что-то не так. Обычно она четко, без вступления говорит, где и когда...

А как в груди-то заныло! И нечто напряженное перелетело расстояние, передалось через трубку Шатунову, рассеяв надежды на скорое, пусть короткое, как это обычно случалось, свидание. Он забеспокоился и, никогда ранее не называя ее имени во время диалогов по телефону, вдруг крикнул в трубку:

— Ксюша! Ксюша, что там у тебя? Что?!

— Не кричи, — тихо сказала она, хлюпая носом. — Я звоню тебе... потому что... мне...

Снова: хлюп-хлюп. Шатунов терял терпение:

— Ну!

— Потому что мне сейчас страшно, Ленка... — выпалила она срывающимся шепотом. — Очень-очень страшно...

— Страшно? Почему? Что тебя напугало?

— Эти люди... я их видела...

Шатунова подстегнули интонации, слезы, сиюминутный ужас, который она переживала, но который проник в него и осел где-то в паху. Он чувствовал эту женщину, как самое себя, даже если б их разделял океан или космическое пространство, Шатунов, как антенна, принимал бы радиоволны, исходящие от нее. Он рванул по лестнице вниз, уверенный, что там, где она сейчас находится, дела плохи, а значит, ему немедленно нужно к ней. Но где она, что конкретно случилось?

— Какие люди, Ксюша? Кто они?

— Кто? А я знаю! Но знаю, зачем пришли... За мной... И мне... страшно...

К этой минуте он был уже внизу, машинально начал надевать пиджак, да никак не попадал в рукав. И сердце прыгало не в такт. Тоже от страха. Интуитивно он угадал наступающие перемены, которые относят к круп-

ным минусам. Шатунов готов сделать все, от него зависящее, чтоб отвести любое бедствие от Ксении. И, еще не зная, в чем должна заключаться помощь, он завертелся на месте в поисках решения, словно оно должно находиться под ногами: на полу, на стуле... где-нибудь рядом! Подсказка обязательно есть, нужно только увидеть ее.

Ксения плакала. Тихо, без истерии плакала.

Рука так и не попала в рукав пиджака! В сердцах Шатунов отбросил его в сторону, без него же удобней. А сколько ненужного в этот миг носилось в голове! Ненужного, мешающего принять решение, ведь что-то надо сделать немедленно. Заметив в кресле водителя, он судорожно прищелкнул пальцами, привлекая его внимание, и коротко бросил:

— Внедорожник подай!

— Зачем? — как будто очнулась Ксения, тем не менее ее голос остался тусклым. — Это глупо. Сам знаешь, что не успеешь. Ленька, у нас есть несколько минут, пока они доберутся... не стоит их тратить... Поговори со мной... Пожалуйста, поговори!

— Конечно, конечно... Ксюша...

Взглянув на часы — стрелки показывали тридцать восемь минут двенадцатого, — Шатунов побежал в кабинет, перескакивая через три ступеньки. Он ни на секунду не усомнился в ее словах, хотя толком она ничего не рассказала, но разве обязательно нужно говорить? Опасность улавливается подсознанием, в такие моменты каждым нервом, каждой клеткой чувствуется тот час, за которым не остается ничего...

И как перед ликом смерти, перед глазами Шатунова, видевшими сейчас все ничтожные мелочи: коридоры, ступеньки, дверные ручки, след от гвоздя на стене, который не успели закамуфлировать, — параллельно отчетливо неслась его жизнь. Он видел себя со стороны

только заново и в ускоренном темпе. Миллион раз об этом слышал, а впервые испытал на себе, хотя не раз Косая прохиндейка подбиралась к нему и скалилась, протягивая костлявые щупальца, дескать, дай я тебя обниму. А он удачно выворачивался из ее смертельных захватов, все равно было не до ностальгических воспоминаний. Но может быть, тогда не настал час, которого ждут и боятся все? А что такое Ксения? Часть его самого. Без нее все закончится и для Шатунова, значит, это и его час...

Простой такой парень

Кто уж там распоряжается людьми — неизвестно, но Ленчику хотелось, чтоб тот могущественный властелин был более справедливым и щедрым. Одним он дарит фигуры с физиономиями — залюбуешься, других, как Шатунова, сотворил из вторсырья, по остаточному принципу, обтесав кое-как затупившимся топором. От предков по наследству ему не досталось ни исполинского роста, ни фигуры, ни обворожительной рожицы, ни даже талантов, да и денег в карманы родители не насыпали. Короче, Ленька маленько бракованным получился.

И что же делать личностям ниже среднего уровня в этом привлекательном мире, где соблазнов больше, чем звезд на небе? Никто не знает, нет? А он догадался: только стать первым во всем! Обходить тех, кому сама природа выстелила дорожку к славе, почету, уважению и богатству. На это нужны силы, извилины под черепушкой и маниакальная жажда изменить себя, соответственно выпрыгнуть из того круга, в который толкнула судьба с рождения.

Итак, закончив девять классов на стабильные отметки — тройки, он успешно поступил в ГПТУ. Были, бы-